

КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЛАТВИЯ И РОССИЯ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ. КТО МЫ:
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПАРТНЁРЫ».
Июнь 2000г., Юрмала, Латвия.

Цилевич Борис (Латвия) – депутат Сейма Латвийской Республики

**ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ
ЛАТВИИ**

В своем коротком выступлении я намерен коснуться трех тем. Первая, это суть и роль интеграции во внутренней и внешней политике Латвии. Вторая тема, это проблемы, связанные с реализацией идеи и концепции интеграции. И третья тема, учитывая специфику нашего сегодняшнего семинара, это возможная роль России и латвийско–российских отношений в этом процессе.

Я хотел бы сразу сделать одну существенную оговорку. Я, в своем выступлении, буду очень четко разделять, две вещи – идею интеграции общества, с одной стороны, и тот реальный документ, ту концепцию, которая утверждена Правительством Латвийской Республики, с другой.

До самого недавнего времени в Латвии не было ясной политики по отношению к национальным меньшинствам, по отношению к тому, что по–английски называется «нэйшен билдинг» – строительство нации.

Очень популярной была концепция так называемых трех «Д», которые отстаивали радикально–националистические политики: деколонизация, деокупация, дебольшевизация.

С другой стороны, умеренные, либерально ориентированные политические силы говорили об интеграции общества, но еще где–то три года тому назад слово «интеграция» было скорее ругательным и его тщательно избегали в латвийском политическом дискурсе. Однако три года назад ситуация изменилась довольно серьезно. И процесс популяризации идеи интеграции завершился принятием правительственной программы. Сегодня мы можем сказать о том, что интеграция утверждена в качестве официальной стратегии Латвии, латвийского Правительства, латвийской политической элиты.

Кто выступал за интеграцию? Какие конкретно силы в латвийском обществе двигали эту идею вперед?

Во-первых, я бы сказал, что это определенная группа чиновников, общественных деятелей и, в очень незначительной мере, политиков, то есть определенная часть политической элиты, которых я бы назвал государственниками. Эти люди не то, чтобы очень сильно любят неграждан, любят русских и другие национальные меньшинства Латвии, но это люди, понимающие, что государство, в котором треть его жителей исключена из политических процессов, в котором треть его жителей ощущают отсутствие интереса, если не враждебное отношение к себе государства, такое государство вряд ли может быть политически стабильным и экономически процветающим. Таким образом, эти люди руководствовались интересами латвийского государства.

С другой стороны, концепцию интеграции пропагандировали, пытались двигать вперед представители либерально ориентированной оппозиции.

Кто против интеграции? Кому она не интересна?

Я берусь утверждать, что на самом деле очень холодно воспринимают интеграцию большая часть современной латвийской политической элиты. Для того, чтобы это утверждение понять, нужно вспомнить о том, как формировалась эта политическая элита, особенно это важно для наших российских гостей, поскольку далеко не всегда российские политики и эксперты ясно осознают различия этого процесса в России и Латвии.

На момент восстановления независимости, этническая ситуация в Латвии может быть показана несколько упрощенной, но достаточно точной формулой «50 на 50». Поэтому очень многие люди считали, что само по себе восстановление независимости не решает всех проблем.

Как и во всех практически посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы – в Латвии встал вопрос о том, в чьих руках будет находиться контрольный пакет политической власти. В случае, если бы Латвия пошла по тому же

пути, что и абсолютное большинство других стран бывшего СССР, или новых независимых государств – более корректный термин, то латыши не получили бы политического доминирования. В свое время обсуждались самые разные варианты обеспечения этого доминирования. В итоге, концепция гражданства была выбрана в качестве наиболее надежного и юридически корректного метода.

Это не правда, что такая ограничительная концепция гражданства, концепция восстановленного гражданства, была предписана нормами международного права. Нормы международного права не содержат никаких ясных рецептов на этот счет. И я думаю, что Литва не нарушила никаких норм международного права, предоставив гражданство всем постоянным жителям этого государства на момент восстановления независимости.

Решение о концепции гражданства было чисто политическим и имело именно ту цель, о которой я упомянул: обеспечить этническим латышам политическое доминирование. В случае успешной и быстрой интеграции общества, в случае массовой и быстрой натурализации – неизбежно изменение состава политической элиты. Попросту говоря, многие люди, которые сегодня сидят в структурах власти, после следующих выборов больше там сидеть не будут, поскольку очевидно, что у новых граждан будут несколько иные политические предпочтения.

Не стоит забывать о том, что процесс приватизации еще далеко не закончен. И в период приватизации политическая власть означает также контроль над перераспределением экономического благосостояния. Поэтому сопротивление интеграции, торможение интеграции, это вопрос политического выживания и политической самозащиты для достаточно большой части современной политической элиты Латвии.

Что касается общества в целом. Не похоже, что на повседневном уровне существовало бы сколько-нибудь серьезное давление на политическую элиту с целью ускорения процесса интеграции общества. В латышском массовом сознании, в массовом сознании этнических латышей все-таки очень сильны «оборонительные» стереотипы, очень глубока историческая травма. И, скажем, в ходе вчерашней дискуссии, делались попытки найти какие-то рациональные обоснования стремлению в НАТО, которое не является только волей политической элиты. Но не надо искать этому рациональных обоснований, это иррациональные причины, исторический страх перед повторением аннексии 1940 года и тех трагических событий, которые за этим последовали. И этот страх нельзя развеять с помощью каких-либо рациональных аргументов.

Латыши очень толерантны на бытовом уровне, как показывает целый ряд исследований. Как и раньше, очень высок процент смешанных браков. Как писал в свое время один известный датский исследователь, латыши охотно принимают русских в качестве друзей, членов семьи, коллег по работе, но не сограждан.

В Литве – ситуация прямо противоположная. Большинство литовцев выступают за равные политические права людей, независимо от национальностей, но на повседневном уровне предпочитают общаться с людьми своей национальности. И здесь давления на политическую элиту тоже не было.

Что касается национальных меньшинств, русских. Я бы не сказал, что идея интеграции является безраздельно доминирующей. Доминирующей является обида и недоверие к этому государству. Да, есть определенная группа политиков, представляющих интересы национальных меньшинств Латвии, которые всячески отстаивают и пропагандируют идею интеграции. Но существует и другая точка зрения. Поэтому с этой стороны, тоже сколько-нибудь серьезного давления на политическую элиту ожидать не приходится.

Почему же, собственно, концепция интеграции победила так сравнительно легко и безболезненно? Дело в том, что помимо вышеназванных внутренних факторов, был еще один мощнейший внешний фактор – то, что мы называем международным сообществом, Европой или Западом. В целом ряде случаев этот внешний фактор активно вмешивался в развитие ситуации в Латвии и оказывал решающее влияние на развитие событий.

Давайте вспомним, июль 1994 года, Закон «О гражданстве». Президент Ульманис был вынужден его вернуть и спустя несколько недель он принимается в варианте «без квот».

Опять же сработал чисто внешний фактор, поскольку внутренняя расстановка сил в парламенте никоим образом не допускала такой либерализации закона.

Аналогичная ситуация сложилась в 1998 году, когда под очень сильным и резким давлением со стороны Запада, парламент вынужден был отменить так называемые «окна натурализации». Националистические партии инициировали референдум по этому поводу, но, снова под серьезным давлением Запада, более центристские партии вынуждены были на референдуме агитировать за отмену «окон натурализации». И с очень небольшим перевесом, но, тем не менее, референдум был выигран.

Третий такой случай произошел совсем недавно, в прошлом году, после принятия закона о государственном языке, когда новый Президент Латвии Вике-Фрейборга тоже вернула закон на доработку. При всем уважении к госпоже Президенту лично и к ее посту, я не думаю, что это было ее решение. У нее не было выбора. В очередной раз вопрос был сформулирован так, что отказаться было нельзя.

Аналогичная ситуация и в случае с интеграцией. Международное сообщество формулирует рекомендацию – принять и осуществить именно данную концепцию интеграции в столь настойчивой форме, что у латвийской политической элиты выбора не остается.

Второе. Какие проблемы возникают с интеграцией?

Как я уже говорил, надо различать концепцию, документ, который принят и саму идею интеграции. Я вижу целый ряд серьезных проблем с принятым документом.

Первое – это концептуальная модель интеграции, то есть, что мы хотим получить в итоге интеграции.

Господин Странга утверждал, что меньшинства в Латвии никогда не были более свободны, чем сегодня. И он прав. В рамках той модели, которую он себе представляет, я назвал ее «модел оф дезигнейтед теризез», то есть модель неких выделенных областей, в которых отводится место для существования культур национальных меньшинств.

Это не только латвийское явление. Та же самая ситуация наблюдается, практически, во всех посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. И всюду этих областей три. Первая – национально-культурные общества, то есть некие замкнутые пространства, где люди могут петь свои песни, танцевать свои танцы, государство этому не препятствует, а, наоборот, поощряет и даже иногда на это выделяет какие-то деньги.

Вторая область – религиозная конфессия. В религиозном отношении Латвия всегда была очень толерантным государством. У нас конфессий много, поэтому идея свободы религиозного самовыражения принимается без серьезных возражений практически всеми политическими силами. Я немножко упрощаю, но в целом это так.

А третья, это частная сфера. Правда, здесь уже существуют очень серьезные разногласия относительно того, что относится к частной сфере. И эти разногласия очень наглядно продемонстрировала дискуссия вокруг закона о государственном языке. Никто не подвергает сомнению права представителей национальных меньшинств, точнее, право лиц принадлежащих к национальным меньшинствам, говорить на своем языке у себя дома на кухне. И в это вмешиваться никто не будет. Что касается, скажем, частной фирмы, семейного предприятия, находящегося в собственности лиц, принадлежащим к национальным меньшинствам, или неправительственной организации, которую эти лица учредили – это уже является предметом серьезных юридических дебатов.

Думаю, что очень многие, наверное, большинство представителей национальных меньшинств, с такой концепцией выделенных областей не согласны. Для меня наиболее важно другое – возможность равноправного и полноправного участия национальных меньшинств в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства.

На самом деле мы с господином Странге наблюдаем одни и те же факты, но имеем в виду две разных парадигмы того, что такое права национальных меньшинств и каким образом и где они должны быть обеспечены. Проблема в том, что это разногласие, как бы, остается за кадром. Оно не озвучивается. Говоря о том, что национальные меньшинства свободны как никогда, господин Странга поясняет свою позицию – почему, в каком контексте он это видит.

Эту проблему я и называю отсутствием концептуальной ясности в отношении программы интеграции.

Второе. Этот фактор очень тесно связан с первым. Программа интеграции, по сути дела, не предусматривает сколько-нибудь серьезной институционализации диалога с

национальными меньшинствами. Опять сошлюсь на господина Странге. Следуя его логике – все нормально, закон о гражданстве очень либеральный, управление по натурализации работает прекрасно. Какие могут быть проблемы, если человек не хочет натурализоваться, – это его личный выбор.

Однако проблема не в том каковы процедуры натурализации. Я думаю, что для абсолютного большинства неграждан, а также для очень многих граждан, к которым я и себя отношу, принципиально неприемлема сама постановка вопроса: почему неграждане должны натурализоваться. То есть – мы приняли этот подход, мы не идем на баррикады, не протестуем против этого с оружием в руках. Но, тем не менее, мы не приняли его морально и считаем, что введенное деление на граждан и неграждан несправедливо и оскорбительно для нас.

Этот вопрос тоже выносится за скобки. И выносится он за скобки только потому, что представители русскоязычного населения в этом процессе не участвуют, что нет никакого диалога. Я не буду сейчас говорить о составе рабочей группы, которая разрабатывала программу интеграции. Была проведена совершенно замечательная и уникальная серия семинаров, дискуссий, посвященных обсуждению программы интеграции. Действительно, это был образцовый вариант, когда практически всем, кто хотел высказаться, была предоставлена такая возможность.

Этим как бы давали понять – со свободой слова у нас все в порядке. Вопрос – в другом. Насколько точки зрения, которые прозвучали в этих дискуссиях, нашли отражение в итоговом документе?

У меня очень серьезные сомнения на этот счет. Ведь есть два уровня демократии. Первый – дать возможность «прокукарекать». Это мы можем сделать, проблем нет. Но можем ли мы реально влиять на принятие решения? Какие есть институционализированные механизмы для обеспечения вот этой субсидиарности, чтобы сами национальные меньшинства могли иметь какое-то серьезное влияние на разрабатываемую государством концепцию программ? Этого нет.

У нас существует, пожалуй, ряд документов, например, так называемые «рекомендации о политическом участии национальных меньшинств». Из всех форм политического участия меньшинств, которые упомянуты в этих рекомендациях, у нас в Латвии реализована только одна – консультативный совет при Президенте.

Я имею честь состоять членом этого совета с самого его основания, с 1996 года. Мне бы не хотелось комментировать деятельность этого совета при прежнем президенте. Нас очень вдохновило то, что вступив в должность, новый Президент, госпожа Вике–Фрейборга заявила о том, что хочет сохранить этот совет. Скоро год с тех пор, как госпожа Вике–Фрейборга находится на своей должности, и ни разу за это время совет не собирался.

А ведь речь идет о важнейшей для Латвии проблеме. В Латвии существует политическое представительство национальных меньшинств. Анализ результатов выборов очень убедительно показывает, что именно эти люди голосовали в основном за нас, за фракцию «Права человека в единой Латвии».

Однако это далеко не решает всех проблем. Наша партия практически исключена из процесса принятия решений. И на самом деле даже в вопросах, которые самым непосредственным образом касаются именно наших избирателей, абсолютно все прочие латышские партии Сейма готовы объединиться против нас. И это, конечно, очень серьезная проблема, которую, наверно, внутри парламента мы решить не можем.

Третье. К сожалению, концепция интеграции не основана на современной трактовке прав национальных меньшинств. Я не верю в то, что эффективная интеграция может быть построена вне того опыта, к которому пришло современное мировое сообщество в отношении прав национальных меньшинств. Ведь документы в Конвенцию по правам национальных меньшинств, как и документы по технике безопасности, написаны кровью. И игнорировать эти документы – это не только не очень умное решение, оно просто неэффективно.

Парламент не ратифицировал рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств потому, что целый ряд латвийских законов настолько очевидно противоречит нормам этой рамочной конвенции, что никакая пропаганда не поможет скрыть этого факта. Ратификация конвенции сегодня означала бы шаг на пути объективного выявления этих противоречий – ведь в ней существует достаточно серьезный механизм мониторинга, предусматривается создание консультативного

экспертного совета. В течение года после ратификации государство должно подготовить доклад об исполнении этой конвенции. То есть шило в мешке будет утаить сложно.

Поэтому наши коллеги в парламенте, понимая, что политически нереально поменять эти законы, предпочитают затягивать ратификацию конвенции, которую Латвия торжественно подписала уже более пяти лет назад. Это касается законов о государственном языке, радио и телевидении, об образовании, а также норм, касающихся обязательной записи национальности в паспорте, в написании собственных имен и так далее. То есть это не вопрос какой-то одной или двух норм, а целая концепция законодательства. Проблема очень серьезная. Я убежден, что если концепция интеграции не будет базироваться на правах меньшинств, она обречена на провал.

Четвертое. Концепция вообще не предусматривает каких-либо изменений в законодательстве. Ее идея состоит в том, что интеграция должна проводиться в рамках существующего законодательства. Но, если само существующее законодательство, по сути, препятствует интеграции, как можно решить эту проблему? Это говорит о том, что на самом деле авторы концепции и Правительство отнюдь не уверены в политической воле парламента. Таким образом, решение, несмотря на то, что оно как бы принято, одобрено и отрапортовано, на самом деле ненадежно.

И последнее, может быть, очень коротко. Налицо несоответствие идей и механизмов. Я приведу один конкретный пример, чтобы понятно было, что я имею в виду. Концепция говорит о двуязычном образовании в начальной школе и о переводе всего среднего образования на государственный язык. На самом деле идея перевода среднего образования на государственный язык в корне противоречит современному подходу к правам национальных меньшинств.

Например, румынское правительство решило поддержать бюджетными средствами один из университетов, где образование будет на румынском, венгерском и немецком языках. Подчеркиваю – речь идет о высшем, а не среднем образовании. Македонское правительство очень хвалили за то, что оно поддержало идею создания университета, где образование будет вестись на македонском и албанском языках. Правда, албанские националисты выступают против, но – это другой вопрос. О среднем образовании речь вообще не идет. И в других странах Европы ведутся дискуссии вокруг возможностей ведения высшего образования на нескольких языках.

Начальное образование. Двуязычное. Кто будет этим заниматься? Ведь сегодня все высшее образование в финансируемых государством вузах по закону должно быть на государственном языке. Да, в год готовится одна группа учителей русского языка и русской литературы. Это все. Так что же, при двуязычном образовании только русский язык и литература будут изучаться на родном языке, а все остальное будет на государственном? Наверное, формально такое образование тоже можно называть двуязычным. Но кто будет преподавать, например, историю, физику, математику, химию, если эти учителя не готовятся? Кто сегодня работает в школах с русским языком обучения, в школах русского национального меньшинства? Это или те люди, кто работали там 10 лет назад, то есть старики. Или люди без педагогического образования.

А за счет каких-то договоров, возможно, межгосударственных, наверное, можно решить проблему с литовскими и с польскими школами, которых всего несколько. Но русских школ очень много. Не говоря уже о том, что по закону все учителя, работающие в школе, должны владеть государственным языком на третьем высшем уровне. Это явный пример несоответствия предлагаемых методов решения заявленным целям и задачам. Поэтому, полагаю, что с концепцией интеграции, как с документом, проблем очень много.

И последнее. Роль России. На мой взгляд, ее влияние на процесс интеграции общества Латвии двойственно, даже скорее тройственно. Во-первых, политика России за прошедшие 10 лет отнюдь не способствовала развитию политической лояльности российских соотечественников, живущих в Латвии, к России.

Во-вторых, роль и действия России, которые очень часто были достаточно неуклюжими, поверхностными, регулярно давали возможность националистически настроенным политикам в Латвии уходить от диалога с местными национальными меньшинствами. Поскольку Россия брала на себя роль защитника, так сказать, выразителя интересов русских, то это предполагало необходимость диалога с ней. Как

говорить с Россией – это уже другой вопрос. Но сам тезис «надо говорить с Россией» предполагает, что с русскими в Латвии как бы говорить не надо. И это, конечно, отнюдь не содействовало интеграции общества и возникновению диалога.

Наконец, в–третьих. Если бы не Россия, то я думаю, что давления Запада на Латвию вообще никакого не было бы. А если бы и было, то значительно менее серьезное и с гораздо меньшими последствиями. В отличие от нас, национальных меньшинств Латвии, к России Запад не может не прислушиваться. Поэтому, к сожалению, вместо того, чтобы наладить нормальный диалог внутри государства между национальными меньшинствами и правящей латышской политической элитой, мы жалуемся России, которая начинает стучать кулаком по столу. Совет Европы, Евросоюз прислушиваются к ней и начинают грозить пальчиком правительству Латвии, что вот не обижайте этих русских, а то Россия рассердится, и у нас будут проблемы. Совершенно уродливая ситуация, которая является прямым следствием отказа латышской политической элиты от диалога со своими национальными меньшинствами.

В этой связи у меня возникает вопрос: а может ли быть выработана единая позиция России и Запада по отношению к интеграции общества Латвии? До сих пор отношение России, судя по официальным заявлениям, к проблеме интеграции было достаточно сдержанным. Поступала определенная критика в отношении документа – программы интеграции – кстати, критика вполне обоснованная и разумная. Но какого–то конструктивного подхода, конструктивного предложения со стороны России пока не было. Думаю, что это один из тех вопросов, где мировое сообщество, Запад и Россия могут сравнительно легко прийти к консенсусу, который, как и согласованная позиция, были бы очень конструктивны для развития процесса интеграции в Латвии.

Хочу вернуться к очень интересной мысли о том, что сегодня очень сильно меняется демократия. Я бы к этому добавил еще одно – изменение характера выборов. Да, они остаются прямыми, всеобщими, равными, честными. Дело в том, что сегодня, в отличие от времен зарождения демократии, существуют крайне эффективные механизмы и технологии формирования общественного мнения. Поэтому независимо от того, кто и как оценивает результаты последних российских президентских выборов, они прекрасно подтверждают этот тезис.

Вопрос в том, кто может купить эти технологии. То есть мой тезис заключается в том, что сегодня результат выборов во многом предопределяют деньги. Откуда деньги у политических партий? В конечном счете, от бизнеса: из бюджета политические партии пока не финансируются. На мой взгляд, именно в этом контексте стоило бы посмотреть на возможную роль, возможное влияние России на политические процессы, происходящие в Латвии. Не секрет, что бизнес, который связан с Россией, с транзитом, пожалуй, является наиболее активным спонсором политических партий в Латвии.

Также, я думаю, для российских партнеров этих компаний не является секретом, что спонсируют они, в основном, радикально–националистические партии. Понятно, почему это происходит. Бизнес заинтересован в том, чтобы коммуникации проходили нормально. Чтобы нефть, газ, денежные потоки шли по своим каналам и поступали туда, куда нужно и своевременно. Для того, чтобы это обеспечить, необходим контроль за этим процессом со стороны политической элиты. Из этого следует необходимость подкармливать тех деятелей и те партии, которые на эти процессы реально могут повлиять независимо от того, каких политических принципов эти партии придерживаются.

Все, казалось бы, логично. Непонятно только одно: неужели Россия не видит этого разрыва между декларируемой политикой и реальной практикой – когда националистические партии Латвии финансируются, фактически, за счет российских денег?

И последний вопрос. Можно ли всерьез принимать заявления российских официальных лиц тем людям, которые видят и знают эту ситуацию? И на уровне наших внутренних дискуссий мы не раз сталкивались с этой проблемой. Нам говорят: Москву не волнует, как обстоят дела с русскими. Их волнует, чтобы текла нефть, чтобы шли деньги, а все остальное – и дискуссии в Думе, и выступления президента – это все ерунда и к реальной жизни отношения не имеет.

Поэтому в ходе конференции нам было бы очень важно понять, в чем же заключается российский интерес в отношении процесса интеграции общества в Латвии? В чем Россия видит свою роль? Какие методы воздействия на эту ситуацию видят российские политики?

В заключение хочу сказать совершенно честно и, может быть, несколько более откровенно, чем это принято, на подобного рода собраниях. Нам не раз приходилось сталкиваться с такой точкой зрения, что мы по определению являемся пророссийской партией, потому что большинство наших избирателей русские, что с нами можно специально не работать и что вообще нас можно рассматривать в качестве подчиненных, а не партнеров.

Со всей ответственностью заявляю, что это не так. Мы, в первую очередь, защищаем интересы наших избирателей, которые далеко не всегда совпадают с интересами России. Да, конечно, среди всех политических партий наши взгляды и принципы, думаю, наиболее близки интересам России. Но это не означает, что они идентичны. И, конечно же, у нас вызывает определенное недоумение настойчивые попытки тех или иных российских политических сил установить какие-то контакты или помочь каким-либо политическим партиям, которые в далекой перспективе могут послужить делу установления диалога с Россией, при этом полностью игнорируя нас и наши возможности.

Наверное, было бы неправильно один к одному проецировать российскую политическую ситуацию на нашу политическую сцену. То, что мы находимся в оппозиции, еще не означает, что мы аутсайдеры. И нас не надо сопоставлять с российскими коммунистами или с жириновцами. Хотя, конечно, официальная пропаганда со стороны наших оппонентов здесь, внутри Латвии, может сделать все возможное, для того чтобы это произошло.

Думаю, что в новой обстановке, с учетом высказанных здесь аргументов, у России есть все возможности, чтобы выработать по-настоящему эффективную политику, которая, с одной стороны, полностью находилась бы в русле легальных и международно-признанных методов ведения межгосударственных отношений. С другой – обеспечивала бы достаточно серьезную и реальную защиту российских интересов.